

В 1990-е гг. было модно приспособливаться к доминирующему тону западных объяснительных моделей постсоветского развития. В течение всего этого периода «транзитологическая» парадигма осуществляла своего рода духовную опеку социальных знаний в России. Российские специалисты стали чувствовать себя весьма комфортно в таком интеллектуальном климате, поскольку он казался многим из них фешенебельным и солидным. В значительной степени это лишало российское политологическое сообщество мыслительной энергии. Думается, в данной ситуации было бы уместным и многообещающим рассматривать вопрос о природе российской переходности, ставя во главу угла концепт «неопределённость». Отечественное политологическое сообщество способно предложить новые познавательные альтернативы описательным «транзитологическим» схемам.

УДК 323 (470+571)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Д. С. Горелик

Саратовский государственный университет
E-mail: dmitriy.gorelik@mail.ru

В статье рассматриваются институциональные изменения в политической системе России, которые отразились на модернизационных преобразованиях.

Ключевые слова: политическая модернизация, политико-правовая система, правовое государство.

Institutional Prerequisites for Political Modernization in Russia

D. S. Gorelik

The article considers institutional changes in political system of Russia, which have an effect on modernization transformation.

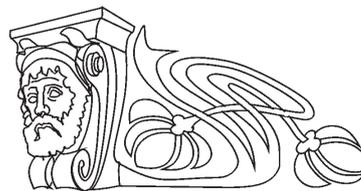
Key words: political modernization, political-legal system, legal state.

Среди важнейших стратегических целей политической модернизации российского общества заявлено становление правовой государственности.

В 1990–2000-е гг. произошли радикальные преобразования не только в экономике, но и в политико-правовой системе. Самым принципиальным изменением в системе государственной власти периода новейшей истории стали введение в 1991 г. поста Президента РСФСР и соответствующее перераспределение властных функций между различными ветвями власти. Несмотря на то что Съезд народных депутатов как высший орган государственной власти и Верховный Совет сохраняли широкие полномочия в области

Примечания

- ¹ См.: Магомедов А. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу». М., 2000. С. 200.
- ² Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. 1991. Vol. 58, №. 4. P. 865–892.
- ³ См., например: Шмунтер Ф., Карл Т. Что такое демократия, а что – нет // Демократия. Теория и практика. М., 1996; Мельвилль А. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6–38.
- ⁴ Одним из первых на это указал Б. Капустин (Капустин Б. Г. Посткоммунизм как постсовременность. Российский вариант // Полис. 2001. № 5. С. 6–28).

законодательной деятельности, определения внутренней и внешней политики, принятия решений по вопросам государственного устройства и т. д., многие их прежние права, включая подписание и обнародование законодательных актов, формирование правительства и назначение его председателя, контроль его деятельности отошли к Президенту РСФСР как высшему должностному лицу в Российской Федерации.

Подобное перераспределение полномочий в условиях отсутствия парламентских традиций и отработанного механизма согласования интересов часто становилось причиной острых правовых и политических коллизий во взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти. Именно данный факт привел в октябре 1993 г. к открытому конфликту, завершившемуся роспуском Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ и ликвидацией системы Советов.

Все институциональные изменения были закреплены в нормативно-правовых актах. Принятие Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. как важнейшего этапа в процессе политической модернизации позволяет утверждать, что в результате ускоренной модернизации демократическая Конституция была введена авторитарными методами.

Конституция разрабатывалась и принималась в условиях жесткого противостояния сил старого порядка и формирующегося нового режима. При-

нятие Основного закона страны – несомненное достижение по сравнению с предшествующим этапом трансформации политического режима государства¹. Россия стала определяться как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (ч. 1 ст. 1), как «светское» (ст. 14), а также «социальное» (ст. 7). Носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве провозглашался «многонациональный народ» (ст. 3).

В ходе радикального преобразования экономики и соответствующей трансформации политико-правовой системы сформировалась и была зафиксирована в соответствующих нормативно-правовых актах институциональная основа правового государства. Тем не менее, как показал посттрансформационный период жизни российского общества, сами по себе институциональные преобразования не привели к достижению всех заявленных целей по модернизации политической системы. Необходим долговременный процесс формирования соответствующих установок общественного сознания, преобразования правового менталитета, развития правовой культуры, воспитания поколений с высоким правосознанием.

Модернизационные преобразования охватывают и экономическую, и политическую, и ценностную системы общества, этому процессу присущи ускорение и замедление. В России модернизация, как отмечают в своем исследовании В. И. Пантин и В. В. Лапкин, необычайно растянута во времени².

Другой особенностью институциональных предпосылок политической модернизации следует назвать значимую и активную роль государства в инициировании и определении основных направлений этих изменений. Причем общество выступает лишь как объект модернизационных преобразований, а не как опора или стимул к изменениям.

Тем не менее следует подчеркнуть, что Конституция, принятая в 1993 г., стабилизировала российский политический процесс. Основные политические акторы, находясь в конституционно-правовом пространстве, оказывали различное влияние на развитие институтов.

Среди институциональных предпосылок политической модернизации следует назвать многопартийность, институт президентства, двухпалатный парламент, Общественную палату. Однако следует отметить, что некоторые из названных институтов не обладают достаточной силой.

Этот фактор не позволяет осуществлять в политике каких-либо долгосрочных стратегий. Слабые, неустойчивые институты побуждают различные элитные группы ориентироваться на реализацию краткосрочных и главным образом корпоративных целей. В таких системах, как правило, либо плохо прописан в законах, либо фактически не действует на практике институт политической ответственности. Все решения

в основном принимаются «наверху», но ответственность за неверные решения руководители спускают вниз, на других субъектов политики. Подобная схема, однако, хороша для самоподдержания системы, но абсолютно непригодна для осуществления политики модернизации.

Институты с 2000-х гг. с формально-правовой точки зрения выглядят более устойчивыми и сильными. Но с точки зрения их влияния на процесс политической модернизации они минимизируются (обе палаты парламента, институт губернаторов и т. д.). Поэтому уровень слабой институционализированности остается прежним, хотя меняются параметры.

Изменения в политической системе 2004–2006 гг. затронули и партийную систему, и способ формирования Совета Федерации, произошел отказ от прямых выборов губернаторов. Все преобразования способствовали завершению формирования «вертикали власти»³.

Создание Государственного совета и Общественной палаты должно было способствовать более тщательному контролю со стороны общественности готовящихся законопроектов. В реальной политической практике эти институты превратились в дополнительные инструменты, поддерживающие моноцентричную систему власти.

Основу функционирования политических систем демократического типа составляет политическая цепь подотчетности государственной власти гражданскому обществу. Особое влияние должна оказывать многопартийная система, которая обеспечивает политико-идеологическое структурирование общества в форме независимых объединений граждан. Партийная система, которая базируется на ограниченном количестве партий, имеющих вертикально-иерархическое построение, как правило, перестает эффективно выполнять функцию структуризации политического представительства общества во власти, особенно это касается подотчетности государственной власти гражданскому обществу⁴.

Это связано, по-видимому, и с отсутствием запроса на эффективную систему представительства интересов. Для партийной системы в первую очередь важен запрос на систему представительства интересов. Даже мировой финансовый кризис не привел к запросу на реально действующую многопартийную систему в стране. Реформа политической системы, которая в некоторой степени позволяет в цикле 2011 г. участвовать большему количеству партий в выборах в Государственную думу и региональные законодательные органы власти, сохраняет прежний формат функционирования политических институтов.

Это актуализирует проблему доступа на политический рынок, поскольку политический контроль федеральных и региональных телеканалов исключает допуск к телеэфиру политически нелояльных акторов⁵.

Запаздывание модернизационных преобразований в политической системе России показывает сложность и противоречивость происходящих институциональных трансформаций. Главным фактором, от которого зависит достижение заявленных целей, является деятельность центральных институтов власти и управления. Именно базовые политико-управленческие структуры смогут побудить общество работать в направлении новых целей.

Примечания

¹ См.: Медушевский А. Н. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе

// Проблемы становления гражданского общества в России. Материалы научного семинара. Вып. № 3. М., 2003. С. 41.

² См.: Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 41.

³ См.: Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические трансформации в России и на Украине в 2004–2006 гг.: причины и возможные последствия // Полис. 2007. № 1. С. 107.

⁴ См.: Нисневич Ю. Аудит политической системы посткоммунистической России. М., 2007. С. 49.

⁵ См.: Соловьев А. И. Институты власти и управления в стратегии российской модернизации: проблемы и перспективы // Вестник МГУ. Сер. 21. 2010. № 3. С. 15.

УДК 329 (470)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ГОРОДСКИХ ЭЛИТ (на примере Удмуртской Республики)

Д. П. Соснин

Ульяновский государственный университет
E-mail: uldps@mail.ru

В статье показано влияние институционализации местного самоуправления на формирование и эволюцию городских элит в постсоветский период на примере Удмуртской Республики.

Ключевые слова: городские элиты, местное самоуправление, институционализация, муниципальная реформа.

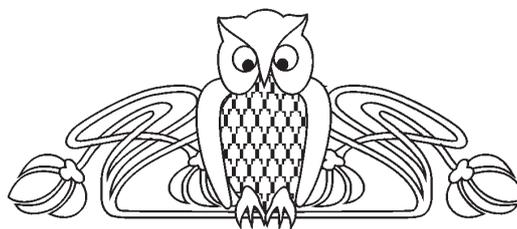
Institutional Factors of Formation and Evolution of City Elites (on an Example of the Udmurt Republic)

D. P. Sosnin

The article shows the influence of institutionalization of local self-government on formation and evolution of city elites during the Post-Soviet period on an example of the Udmurt Republic.

Key words: city elites, local self-government, institutionalization, municipal reform.

Существование элиты неразрывно связано с реализацией ею функций управления, в том числе и принятия и воплощения в жизнь стратегических решений. Управление территориальными социальными общностями, как правило, является хорошо институционализированным. Так, система публичных институтов управления Российской Федерации состоит из федерального, регионального и муниципального уровней. На базе данной «трехзвенной» структуры публичного управления складываются и три уровня элит: федеральный, региональный и локальный (субрегиональный). В рамках локального уровня особую роль играют

городские элиты, обладающие большим ресурсным потенциалом и политическим влиянием по сравнению с локальными элитами сельских поселений и муниципальных районов.

В советские времена местные органы власти являлись нижним звеном единой государственной системы управления. Возрождение местного самоуправления в нашей стране связано с общими демократическими преобразованиями, инициированными перестройкой. Юридически самостоятельность органов местного самоуправления была закреплена в принятой 12 декабря 1993 г. новой Конституции Российской Федерации. Конституционные принципы легли в основу первого Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Однако, как отмечает В. Я. Гельман, «муниципальная реформа 1990-х годов была чем угодно, но только не целостным продуманным проектом, целенаправленно реализованным на общенациональном и местном уровне единым административным аппаратом»¹. В итоге в субъектах Российской Федерации сложились различные формы организации местного самоуправления. В большей части регионов местное самоуправление осуществлялось только на уровне районов и крупных городов. В некоторых субъектах Федерации муниципалитеты были организованы на уровне отдельных поселений, в других – и на уровне